

Пашковская Татьяна Григорьевна

ИДЕЯ "ЯЗЫКОВЫХ ИГР" В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В статье проанализировано становление теории "языковых игр". Особое внимание уделено автору этого термина австрийскому философу Л. Витгенштейну, который фактически наделил язык собственной субстанциональностью и, вследствие этого, не зависимым от субъекта функционированием. Таким образом, язык, понимавшийся в древности как инструмент, которым человек может овладеть и использовать по своему усмотрению, был переосмыслен и понят как самостоятельно действующая сила, результатом сего было признание активной роли языка в ментальных процессах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 143-145. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Эрлик также имеет сыновей, населяющих пределы его подземного царства (обычно шаманисты упоминают от семи до девяти «сыновей» Эрлика). Подобно тому, как манихеи задабривали Царя Тьмы, шаманисты совершали подношения Эрлику. В откуп приносилось большое или старое животное, обряд сопровождался специфическим устным заговором, демонстрирующим пренебрежительное отношение шамана к темному божеству:

Эта моя парылҕы (жертва) пусть вручится вамъ,
Голова моя да здравствует!
Не вынуждайте, назад, славословить (васть).
Если проживу три года спокойно,
Еще пусть ваши жертвы до него дойдутъ
Вы обессиливаете (не только обыкновенных, но) и хорошаго шамана [Там же, с. 2].

Исходя из приведенных материалов, можно утверждать, что манихейское вероучение серьезно повлияло на онтологическое, аксиологическое и эстетическое мировосприятие коренных народов Западной Сибири. Устройство средневековых манихейских храмов Западной Сибири, в свою очередь, отражало религиозно-философскую дихотомию и синкретический характер этого гностического учения. Более глубокое изучение архитектурных памятников манихейской религиозной культуры позволит точнее описать культовые традиции средневековой Сибири и объяснить дальнейшее развитие синкретических верований, основанных на гнозисе, и их ассимиляцию в духовно-материальной культуре Азии.

Список литературы

1. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л., 1924. 148 с.
2. Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 8-36.
3. Манихейский псалом [Электронный ресурс]. URL: http://apokrif.fullweb.ru/gnost/manich_psalom.shtml (дата обращения: 05.11.2016).
4. Пэмандр [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ1.shtml> (дата обращения: 05.11.2016).
5. Соколов С. Н. Зороастризм // Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост. И. В. Рака. СПб.: Нева; Летний сад, 1998. С. 5-17.
6. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. 255 с.

SYMBOLISM OF MANICHAISTIC CHURCH ARCHITECTURE OF WESTERN SIBERIA

Pasechnik Vladislav Vital'evich
Altai State Pedagogical University
skiper31@yandex.ru

The article provides a semantic analysis of Siberian Manichaistic church architecture. The author analyzes originality of design, numerical symbolism. Special attention is paid to the elements of Zoroastrian and gnostic mysticism in geometrical forms and proportions of Western Siberian churches. The paper also identifies features of Manichaistic belief in traditions of Western Siberian shamanism.

Key words and phrases: architecture; churches; Manichaeism; Zoroastrianism; gnosticism; syncretism; Western Siberia.

УДК 165.9

Философские науки

В статье проанализировано становление теории «языковых игр». Особое внимание уделено автору этого термина австрийскому философу Л. Витгенштейну, который фактически наделил язык собственной субстанциональностью и, вследствие этого, не зависимым от субъекта функционированием. Таким образом, язык, понимавшийся в древности как инструмент, которым человек может овладеть и использовать по своему усмотрению, был переосмыслен и понят как самостоятельная действующая сила, результатом сего было признание активной роли языка в ментальных процессах.

Ключевые слова и фразы: язык; языковая игра; мышление; ментальные процессы; «призраки» познания; Витгенштейн.

Пашковская Татьяна Григорьевна, к. филос. н.

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
czaczulia@inbox.ru

ИДЕЯ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Внимание к языку как к важному агенту интеллектуальной деятельности процессов неоднократно оказывалось в центре рассуждений крупнейших философов, среди которых Аристотель, Ф. Бэкон, Л. Витгенштейн, Ф. де Соссюр и др. Данная проблема поднималась в рамках разных философских систем и во все исторические

периоды. При этом философы прошлого не использовали понятийный аппарат, возникший позднее. Они оперировали понятиями «мнения», «природа человека», «призраки человеческого разума», «дурные привычки ума» и др., а каждая концепция, в известной степени, становилась своеобразной манифестацией мировоззрения соответствующей эпохи, обнаруживая свойственные для неё ценности и мыслительные стратегии.

Античные философы предполагали, что формирование определенной картины мира является результатом практического опыта. Практическая мудрость, накапливаемая на протяжении всей жизни, оказывает влияние лишь на формирование мнений, которые в значительной степени составляют повседневную реальность человека, обуславливая его выбор. Знание, основанное на опыте, не имеет гносеологической ценности. Познавательным потенциалом наделяется только теоретическая, интеллектуальная работа, которая, по Аристотелю, выше практической. Платон считал, что познание есть припоминание бессмертной душой того, что она когда-то видела, погружение в «мир идей» [5, с. 27]. Вполне объяснимо, что в рамках таких представлений не возникало проблемы очищения научных знаний от субъективности, поскольку язык – логос понимался как продолжение этой интеллектуальной деятельности.

Первые мысли о нетождественности мышления и речи высказали софисты. Так, в речи «Похвала Елене» ритор Горгий пишет: «...убеждение, используя слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно... Одинаковую мощь имеют и сила слова для состояния души, и состав лекарства для ощущения тела» [4, с. 29], имея в виду возможности речи управлять поведением и эмоциями людей. Таким образом, слово понимается как инструмент, с помощью которого можно доказать или обосновать практически все, и чем лучше говорящий владеет искусством красноречия, тем убедительнее его формулировки. Вместе с тем, отделив речевую деятельность от мышления, софисты оставались убеждены в том, что единственно активной стороной в этом взаимодействии является говорящий субъект, мастерски подчинивший себе слово. Качественно новая оценка влияния речевого фактора на ментальные процессы говорящего произойдет значительно позже, в эпоху модерна.

Для философской традиции Нового времени характерно отделение гносеологической тематики от онтологической. Основатель научного метода Ф. Бэкон отмечает, что познающий субъект находится под неизбежным влиянием социально-психологических факторов («призраков человеческого разума»), среди которых он выделяет и язык («призраки Площади»), который проникает в ментальный мир в результате негласного консенсуса между людьми об установлении значения слов и имен. Поскольку этот процесс носит стихийный характер, разум оказывается в сложном положении, «слова прямо насилуют разум...» [1, с. 20]. Желая исправить ситуацию, Ф. Бэкон предлагает образовывать точные понятия, следить за тем, чтобы они не отрывались от реальности, и он верит в осуществимость этой цели.

В дальнейшем эта позиция будет доведена до крайней точки логическим позитивизмом, представители которого поставят цель очистить язык и добиться максимально точного использования слов. Только в XX в. придут к выводу о том, что язык – это живой организм, извлечение смысла из которого – это процесс, носящий творческий характер и связанный с поиском сходных ментальных состояний (М. Хайдеггер). В результате произошло полное обновление философской проблематики, от проблем науки ученые перешли к осмыслению веры и бессознательного. Кроме того, произошел так называемый «лингвистический поворот», в результате которого язык стал рассматриваться не только как инструмент познания. Стали учитывать те «эффекты», которые порождены его культурно-исторической природой. Актуализировалось осмысление отношений человека со своим языком.

Так, в работах первого лингвистического философа Л. Витгенштейна ментальность представлена как один из аспектов «языковых игр». Философ начинает свое творчество с разработки логической модели языка, постижение которой раскроет путь к обнаружению логики мира: «мир – действительность во всём её охвате»; «мы создаём для себя картины фактов»; «картина – модель действительности» [2, с. 8]. Язык оценивается не просто как способ воплощения мысли, его роль радикально меняется и отвечает принципу «лингвистической относительности», раскрывающейся через признание языковой картины мира – мир, в котором мы живём, оказывается коррелятивен и сопричастен языку, а значит, каков язык, таков и мир. Следовательно, формируется модель: язык – логика – реальность. Срединное положение здесь занимает логика, в которой совпадают модель языка и аналогичная ей модель мира. В вопросе о специфике мышления философ избегает анализа субъективности человека. Изучение языка и есть изучение мыслительного процесса; язык – граница выражения мысли, переход за эту границу несостоятелен.

Впоследствии Л. Витгенштейн приходит к выводу, что отточенная до логического совершенства идеальная модель языка не просто далека от практики речевого разума, но не схватывает, даже схематично, её принципиальных механизмов. Описывая функционирование языка, философ вводит принцип игр. Языковые игры – ключевое понятие – это «процесс употребления слов в языке» [3, с. 83]. Термин «языковая игра» подчёркивает, что язык – это активность, компонент деятельности или форма жизни; кроме того, он указывает на возможность свободного использования одних и тех же единиц языка (слов) в разных значениях. Существует многообразие языковых игр, а в их основе лежат ментальные процессы, образующие переход от языка к реальности. Это значит, что проблемы искажённого толкования нашего языка коренятся в глубинах мышления, а ментализм выступает как «неиссякаемый источник недоразумений» [6, с. 469] или мнимых проблем, которые возникают несколькими способами.

Во-первых, «ментальные судороги» вызываются подстановкой, когда, играя в одну игру, мы применяем правила другой, то есть наделяем слова иным значением. Например, слово «игра» может употребляться

в разных значениях. Поэтому важен не смысл, а способ употребления. Значение слова – это его употребление в языке. Во-вторых, ментальные процессы находятся под влиянием перефразировок. Например, в языковой игре часто используется слово «это», и оно занимает такое же положение, как и имя. В результате «язык преодолевает мысли» [2, с. 18], причём настолько, что по словам нельзя судить о вложенных в них мыслях. Таким образом, «проблемы возникают, когда язык пребывает в праздности», – пишет Л. Витгенштейн [3, с. 97]. В-третьих, язык, предполагая наличие тела там, где его нет, говорит и о существовании духа. Например, нельзя показать, что кусок дерева (шахматный король) является королём, можно только сказать, что ему соответствует определённая духовная деятельность.

Таким образом, ментальный мир населён призраками, избавиться от которых можно, поняв правила языка, а обнаружить противоречия, к которым приходит рассудок, наталкиваясь на границы языка, должна философия. Итак, отношение человека к языку, то есть к знаку, становится главной темой Л. Витгенштейна. Он подчеркивает, что это социокультурно обусловленный процесс. Социокультурные предпосылки имеют привилегированный характер в системе языковой игры, но, если игра оказывается непродуктивной, её можно изменить путём введения иных правил (непересматриваемых допущений). Правила оказываются проверяемыми не сами по себе, а лишь в контексте эффективности игры. Следовательно, использование языка вообще не может быть правильным или неправильным. Существующие конвенциональные модели использования различных знаковых систем – это разные языковые игры, которые могут быть только эффективными или нет. Так, в каком-то смысле такая игра, какой является европейская культура, оказалась на исходе XIX столетия непродуктивной, и поэтому вполне правомерно возник вопрос о корректировке её основных интенций. Но европейская культура – это не только игра, но и форма жизни; её изменение коснется всех тех социальных, технических и ментальных структур, которые сформировались как объективация и аппликация исходных правил.

Таким образом, теория «языковых игр» Витгенштейна обосновала субстанциональность языка и привела к признанию его как фактора мыслительной деятельности. В процессе своего функционирования язык способен вмешиваться в мышление. Правила, по которым он функционирует, не могут быть правильными или неправильными, они конвенциональны. Согласование правил происходит, исходя из эффективности процесса коммуникации.

В XX в. теория Л. Витгенштейна получила продолжение как в философии постмодернизма, так и в эпистемологии. Постмодерн полностью отказался от идеи центра, сковывавшей языковые игры, и завершил децентрализацию нарративных практик. В эпистемологии идея языковой игры и её правил как принятых данным обществом стала способом объяснения множества проблем познания. Кроме того, само познание также начинает рассматриваться как одна из форм культурной активности, подчинённая общей задаче организации социальной жизни.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 5-222.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С. 5-73.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С. 74-320.
4. Горгий. Похвала Елене // Ораторы Греции / пер. С. Кондратьева. М.: Художественная литература, 1985. С. 27-31.
5. Платон. Федон / пер. С. П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7-80.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб., 1997. Т. 4. От романтизма до наших дней. 849 с.

IDEA OF “LANGUAGE GAMES” IN HISTORY OF PHILOSOPHY

Pashkovskaya Tat'yana Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy
Nosov Magnitogorsk State Technical University
czaczulia@inbox.ru

The article analyzes emergence of the theory of “language games”. Special attention is paid to the author of the term, the Austrian philosopher Ludwig Wittgenstein, who actually gave language its own substantiality and, therefore, independent of the subject functioning. Thus, language, which had been understood in the ancient time as a tool that a man can master and use on his/her own, was reinterpreted and comprehended as a self-acting force, and the result of this was recognition of the active role of language in mental processes.

Key words and phrases: language; language game; thinking; mental processes; “phantoms” of cognition; Wittgenstein.